

ческой связи. В простом предложении оно является частицей-связкой при составном именном сказуемом с целью выражения не полного, а частичного уподобления / соотношения / сравнения, но не тождества вербализованных понятий. Частица-связка *это*, устанавливая связь сказуемого с подлежащим, заменяет подлежащее *это* в предикативной части, вмещает предмет мысли / речи, названный подлежащим. *Это* является также синонимом обобщающего слова *всё* в составе блока однородных членов. Универсальность слова *это* в связующей функции проявляется в сложных бессоюзных предложениях, в которых оно выполняет не только связочную, но и структурно-семантическую роль:

В искусстве всегда идут бои, *это* хорошо (Л. Никулин).

В сложносочиненных и сложноподчиненных предложениях *это* обычно не указывает на наглядно-чувственный образ, а вмещает содержание контактных препозитивных и постпозитивных предложений:

Вы еще девочка, и *это* отлично. (Ю. Герман); *Это* превосходно, что вы с нами. (М. Горький); Послушайте! Ведь если звезды зажигают — значит — *это* кому-нибудь нужно? (Маяковский).

В составе сложного синтаксического целого субстантиват *это* входит в структуру постпозитивного предложения, вмещая содержание препозитивной части (предложения или текста). Тесная связь контекстных предложений не является ни

сочинением, ни подчинением. Чаще всего такая связь выражает присоединение.

Большой интересный иллюстративный материал показывает, что *это* является не только ярким структурно-семантическим маркером цельности и связности текста, но и важнейшим средством выражения лексико-грамматической и семантической связи предложений, организуемых сложное синтаксическое целое. С помощью препозитивного слова *это* в тексте активно выражается тема описания и повествования, структурируются время и пространство нарратива. *Это*, завершающее текст, содержит его оценку, выводы и т.д.

Интерпозитивное *это* является маркером специфических синтаксических образований, чаще синкретичных и переходных, с семантикой вводности и вставочности.

Анализ функционирования слова *это* во всем многообразии его функциональных омонимов позволяет прояснить некоторые общие свойства местоимений как особого структурно-семантического класса в системе частей речи.

В небольшой книге сосредоточен огромный теоретический материал, имеющий непреходящее практическое значение для максимально полного анализа всех синтаксических единиц. Системный анализ сложнейших переходных и синкретичных случаев функционирования омокомплекса *это* поможет учителю в его повседневной работе.

М.А. БОБУНОВА | **А.Т. Хроленко. Введение**
Курск | **в филологию**

Несмотря на то что слово *филология*, давно вошедшее в активный запас русского языка, имеет прозрачную этимологию (любовь к слову), до сих

пор нет однозначного ответа на вопрос: «Что же такое филология?». До начала XXI в. не было и специальных учебников об истории филологии, ее основах и методах. Однако в последнее время ситуация стала меняться. Современные тенденции системы образования, государственные образовательные стандарты, новые программы высшей и средней

Учебное пособие. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2015.
Бобунова Мария Александровна, доктор филол. наук, профессор Курского государственного университета. E-mail: bobunova61@mail.ru

школы требуют принципиально иных учебных пособий, затрагивающих, в частности, проблемы статуса филологии, характеристики филологического образования и филологической компетенции. Книга А.Т. Хроленко «Введение в филологию» явилась одним из таких пособий. Слово *Введение* в заглавии говорит о том, что перед нами учебник, излагающий общие сведения и основные понятия конкретной науки, что делает его доступным широкой аудитории читателей. Это так называемый пропедевтический курс, излагаемый в сжатой форме и вводящий в какую-либо дисциплину, в данном случае — в филологию. Указанная мысль подчеркивается и в визитной карточке книги — ее аннотации: «Учебное пособие вводит читателя в мир науки о слове, знакомит с ее основными понятиями и терминами, вовлекает в обсуждение теоретических вопросов филологии, демонстрирует ее исследовательский инструментарий».

Пособие, состоящее из восьми частей, начинается с описания места филологии в классификации разных наук. Широкий разброс мнений по поводу сути филологии (одна наука? совокупность наук? область гуманитарного знания? система знаний? форма гуманитарного образования?), отраженный в разных лексикографических справочниках, научных работах и дискуссиях, заставил автора рецензируемого пособия подойти к решению данного вопроса с позиций таксономии, т.е. определения места филологии среди других областей познания. Поскольку общественные науки трудно классифицировать, для их разграничения А.Т. Хроленко предлагает использовать определенные критерии, на каждом уровне таксономии свои. Прежде всего учитывается характер исследуемой деятельности, которая бывает реальной и отраженной. Это позволяет провести грань между социально-экономическими науками, с одной стороны, и гуманитарными — с другой. Заметим, что отраженная действительность — это «реальная действительность, воспринятая и явленная в форме устного или письменного текста» (с. 17). Дифференциация гуманитарных наук опирается уже на другой критерий: отношение к тексту (как к до-

кументу или как к художественному произведению). Предложенные критерии позволили автору пособия сформулировать свое понимание феномена «филология» как науки, имеющей объектом «текст как целое, а предметом — смыслы, воплощенные в языковых и параязыковых структурах этого текста, а также все явные и неявные закономерности текста и свойства, характеристики составляющих его единиц» (с. 6–7). Более подробно об особенностях гуманитарного знания, об объекте и предмете филологии, об отличии дискурса от текста читатель может узнать из первых трех глав рецензируемого пособия.

Затрагивая вопрос о соотношении сознательного и бессознательного в языке, в коммуникации, в структуре познания и в творчестве, А.Т. Хроленко полагает, что «связующим звеном между двумя мирами» является территория невербальных средств. В четвертой главе поднимаются проблемы, связанные с разными аспектами изучения параязыка: теоретическим, прагматическим, художественно-творческим. Автор пособия на конкретных примерах демонстрирует возможности изучения параязыковой составляющей художественного дискурса, совершенствуя понятийно-терминологический аппарат паралингвистики, и обосновывает целесообразность введения в оборот общего термина *парафилология*.

Поле филологического интереса, ядерной частью которого является научная филология, а периферию составляет вне-научное и псевдонаучное знание, постоянно расширяется. В пятой главе книги подробно описываются разные формы вне-научной филологии: наивная лингвистика, филологическая паремиология, народная этимология, наивное литературоведение. Особый интерес у читателя вызовет знакомство с олитературенными формами вне-научной филологии, к которым А.Т. Хроленко относит поэтическую филологию — высказывания писателей о языке, литературе и фольклоре; эпистолярную филологию — суждения об особенностях языка и литературного творчества в письмах; сюжетную филологию — филологическая деятельность персонажей художественного произведения и др. Такое внимание к вне-научному знанию

знанию обусловлено тем, что в отличие от псевдонауки, которая знанием не является, вненаучная филология нередко становится источником разнообразных наблюдений и перспективных идей.

Отдельная глава книги посвящена анализу структуры филологии, которая зарождалась как единая наука о слове, к концу XIX столетия «разделилась на языкознание и литературоведение, прошла путь их раздельного существования, осознала познавательную ущербность этого раскола и ощутила в себе импульс преобразования в современную филологию как внутреннее единое знание» (с. 230).

Чтобы претендовать на статус науки, филология должна обладать не только объектом и предметом, но и своей методологией. Об этом идет речь в седьмой главе пособия. Справедливо полагая, что полная систематизация методов, методик и приемов, используемых филологами, из-за неопределенности статуса филологии и неупорядоченности ее понятийно-терминологического аппарата пока невозможна, автор обращается к описанию отдельных инструментов исследования текста, среди которых мотивный метод, биографический метод, методика «конкретного литературоведения», методика лингвистического эксперимента, интертекстовый анализ и др. Важно, что А.Т. Хроленко знакомит широкого читателя и с авторскими методиками, апробированными курскими лингвистами сначала на фольклорном материале, а потом использованными и для исследования нефольклорной речи.

Последняя глава, названная «Филологическое порубежье», посвящена описанию взаимосвязи филологии с разными научными дисциплинами. Здесь читатель найдет занимательные материалы о связи филологии не только с генетически родственными науками (например, историей), но и с социально-экономическими (социология, политология, юриспруденция) и естественно-математическими (информатика, биология, география). Список «пограничных» наук, по мнению А.Т. Хроленко, открыт, так как ««срединность» филологии, основанная на вездесущии слова, дает основание полагать, что наша почтенная наука (филология. — М.Б.) потенциально связана с каждой из существующих и возможных наук» (с. 229).

Предназначенная для широкого читателя, книга написана доступным и прозрачным языком, хорошо структурирована и снабжена достаточным библиографическим аппаратом. В отборе материала и его изложении просматривается высокий профессионализм и широкая эрудиция автора. Полагаем, что учебное пособие «Введение в филологию» займет достойное место в ряду других книг А.Т. Хроленко, посвященных разным аспектам науки о слове: «История филологии», «Основы современной филологии», «Культура филологического труда», «Филологическая информатика». В Заключении автор выражает свою готовность осваивать филологию «во всей ее ширине и глубине». Пожелаем же ему реализации новых идей, а читателям, заинтересованным в изучении основ филологического образования, полезного и увлекательного чтения.